

УНИКАЛЬНАЯ
АВТОБИОГРАФИЯ
ЖЕНЩИНЫ-ЭПОХИ

КОКО ШАНЕЛЬ

ЖИЗНЬ,
РАССКАЗАННАЯ
ЕЮ САМОЙ

ЯУЗА-ПРЕСС
МОСКВА
2023

УДК 929:687.1
ББК 85.125(44)
К59

Фотография на обложке:
© Boris Lipnitzki / Roger-Viollet / East News.

Разработка серийного оформления *С. Курбатова*

Коко Шанель. Жизнь, рассказанная ею самой. — Москва : Яуза-пресс, 2023. — 288 с.

ISBN 978-5-9955-1095-6

Эта сенсационная книга проливает свет на самые тайные страницы биографии Коко Шанель. Это не просто мемуары, а предельно откровенная исповедь величайшей женщины XX века. История Шанель, рассказанная ею самой.

«Герцогиня много, а Шанель одна», — ответила она на предложение руки и сердца от герцога Вестминстерского, самого богатого человека в Европе. Она никогда не лезла за словом в карман, не подчинялась правилам и жила «против течения». Настоящая self-made woman, она не только сделала себя, но перекроила по собственным лекалам весь мир — не просто моду, а стиль жизни! Короткая юбка до колен — Шанель. Брючный костюм для дам — Шанель. «Маленькое черное платье» — Шанель. Небольшие шляпки вместо огромных сооружений с широченными полями — Шанель. Бижутерия — Шанель. Изящный аромат вместо удушающего запаха целой цветочной клумбы — Шанель. Именно Великая Мадемуазель подарила женщине право быть естественной, стильной, желанной, женственной — самой собой...

УДК 929:687.1
ББК 85.125(44)

ISBN 978-5-9955-1095-6

© ООО «Яуза-пресс», 2023

Шанель № 1

— Герцогинь много, а Шанель одна! — Такого ответа на предложение стать его супругой герцог Вестминстерский от меня явно не ожидал.

У него было все, и даже больше. Герцог и сам не ведал, сколько стоят его яхты, дворцы, замки, оранжереи, охотничьи угодья, лошади, бриллианты... Он не был снобом — обожал удобную одежду, плевал на множество правил и запретов и носил страшно стоптанные туфли, потому что ими не натрешь ноги. У нас нашлось много общего, даже прозвища: у меня Коко из-за песенки про петуха, у него Вендор по кличке любимой кобылы деда. А еще герцог дружил с Уинстоном Черчиллем, которого «странности» Вендора не шокировали и который звал его запросто: «Бенни».

Безумно богатый, прекрасный любовник и интересный человек, не испугавшийся моего происхождения, готов сделать меня, вчерашнюю швею, пусть и заработавшую целое состояние (но ведь заработавшую, а не получившую по наследству), герцогиней.

И вдруг отказ...

Коко Шанель

Когда-то первый герцог Вестминстерский, дед моего Вендора, в ответ на предложение американского миллиардера продать знаменитую лошадь, в честь которой назван внук, заявил:

– Всех денег Америки не хватит, чтобы купить это сокровище.

Я могла бы ответить похоже:

– Всех денег мира не хватит, чтобы купить Коко Шанель.

Оставить свое дело ради призрачного счастья зваться герцогиней?

Мне всегда приходилось выбирать между мужчинами и моей работой.

И я всегда выбирала работу, потому что без нее я просто Габриэль, а с ней – КОКО ШАНЕЛЬ, единственная и неповторимая.

Обазин

Детские обиды самые сильные
и помнятся дольше других,
потому что дети обижаются
сердцем, а взрослые разумом.
Разум способен победить обиду,
сердце — нет, на нем остаются
шрамы, которые
не расправишь,
как складки
на ткани.

Наверное, надо по порядку? Попробую...

Из детства я хорошо помню отца и плохо мать. Не помню или не хочу помнить? Скорее второе.

Она часто кашляла и задыхалась. Позже мне стало казаться, что это была чахотка, наверняка это была чахотка. Мать — это бедность, страдания и ожидание. «Вот вернется отец...» Из ее рассказов получалось, что отец вернется из своих бесконечных вояжей по ярмаркам и мы все уедем в какую-то лучшую жизнь, где нет холода, где всегда светло, тепло и сытно. А еще весело. Отец ассоциировался с этой жизнью и с надеждой.

Постепенно мне стало казаться, что именно мать виновата, что он не живет с нами, как другие отцы. Наверное, ему надоели болезни и нытьё жены.

Однажды я поинтересовалась, почему же папа не забирает и нас в это прекрасное далёко? Может, у него там другая семья? Мать рассердилась и стала уезжать тоже. Она ездила за мужем следом и рожала детей. А потом умерла.

Пятерых детей надо куда-то девать, ведь отец так и не нашел благословенных земель. Однако родственники от

нас отказались, у них не было возможности приютить сирот.

Сирота. Ненавижу это слово! Сирота — это когда ты никому не нужна, причем любой может ткнуть в тебя пальцем и объявить об этом во всеуслышание. Вы хотели бы вспоминать такое детство?

Казалось, мы с сестрами достаточно взрослые, чтобы искать эту самую красивую жизнь вместе с отцом, ведь колесила же с ним по дорогам мать. Но он считал иначе и отвез нас в приют в Обазине. «Я вернусь, я обязательно приеду за вами...»

— Когда найдешь красивую жизнь?

— Да, обязательно.

Я смотрела вслед отцу и понимала, что не вернется, что сиротство навсегда. Но разве можно поверить в ненужность, когда тебе двенадцатый год? На сердце уже был шрам, но оно еще предпочитало надеяться. Он так же обещал матери, и она так же ждала.

Я тоже ждала вопреки всему: здравому смыслу, оскорблениям, проходящим годам. До сих пор жду, вдруг он все же вернется?

Обазин... Обазин... Обазин...

Дался им этот Обазин! Ездят, копают, вынюхивают... Словно в моей жизни ничего более значительного и интересного, чем монастырский приют, не было.

Мне самой иногда кажется, что я родилась ПОСЛЕ Обазина. Какая разница, в каком возрасте меня туда определили и в каком выпустили?

— Я не нищая!

— А кто же ты, если за тебя не платят? Вы с сестрами самые что ни на есть нищие сироты.

— Неправда! Наш отец просто уехал!

— Куда?

— В... в Америку! Вот он вернется и заберет нас туда!

Я слышала разговоры о том, что в Америке люди живут очень богато, и тогда думала, что это где-то около Парижа, просто потому, что Париж для всех был чем-то совершенно роскошным.

— Он прислал мне платье для первого причастия!

Отец и правда прислал белое платье с оборками, кружевами, пояском, на котором висела сумочка, и, наконец, венком из искусственных розочек. Мне казалось, что ничего красивей быть просто не может, потому что платье выбрал отец! Позже поняла, что оно удивительно безвкусное именно из-за обилия отделки, аляповатой и дешевой. Но тогда оборки выглядели верхом совершенства, ведь это подарок отца, отец не забыл, значит, он вернется!

Я не могла написать слов благодарности, потому что у отца не имелось постоянного адреса, но сколько раз мысленно сочиняла письма! Рассказывала ему обо всем, о том, что была самой красивой во время первого причастия, ведь остальные девочки надели чепчики, а у меня на голове венки. Это очень важно, вынужденная носить одинаковое со всеми, но куда более потрепанное форменное платье, я мечтала хоть чем-то отличаться.

Что я часто мою голову желтым мылом, помня, как он не любит запаха грязных волос, что я вообще моюсь при любой возможности. «Папа, от меня пахнет только чистотой!» Запах чистоты навсегда остался для меня самым желанным и важным.

Но главное, я рассказывала, как жду его и обязательно дождусь. Обязательно!

Как заклинание:

— Только вернись, только не обмани.

Я жаловалась, но не на обиды от девочек из состоятельных семей, дразнивших нас нищими сиротами, а на то, что мне не всегда удается хорошо выполнить работу, поручен-

ную сестрами обители, не хватает усидчивости и терпения. «Но я справлюсь, верь, папа, я справлюсь».

Казалось, стоит только мне стать самой старательной, самой искусной, самой усидчивой, и отец обязательно приедет. Конечно, он издалека почувствует, что монахиням есть за что похвалить его девочку, сказать, что у нее золотые руки, что она умница. Ему будет приятно слышать такое.

Только о покорности и готовности подчиняться правилам мыслей не было. Но я нутром чувствовала, что отец этого от меня не потребовал бы, он сам не подчинился.

У меня красивый отец, очень красивый, все, что есть хорошего в моей внешности, — от него. Да, конечно, мои ровные белые зубы точно такие же, он всегда улыбался белозубой ровной улыбкой. И волосы густые тоже в него, и цвет глаз с искорками. А еще гордость, он никогда не плакал и нам не позволял.

— Эй, только не реветь! Гордые люди не плачут.

Я была гордой, стала усидчивой и искусной, меня было за что хвалить (кроме разве нежелания подчиняться общим правилам).

Я стала... Но отец не вернулся. Ни тогда, ни позже.

Но я все равно ждала его и любила.

В Обазине была лестница. Каменная, без перил, то есть с одной стороны она прилегала к стене, а другая словно повисала над пропастью. Причем получалось так, что спуститься можно безопасно вдоль стены, а подниматься приходилось осторожно. Обычно мы так и ходили: быстрее вниз и медленно вверх. Почему-то мне это казалось несправедливым, и когда никто не видел, я взлетала по лестнице наверх через ступеньку.

Однажды беготню случайно увидела противная Луиза, из тех, за которых платили, потому что они были «из хо-

роших семей». Я поняла, что она обязательно донесет настоятельнице, а потому пообещала:

— Скажешь кому хоть слово, я тебе... брови выщиплю!

Угроза глупая, потому что брови выщипывали многие, конечно, не воспитанницы приюта. Но я точно знала, что это больно, потому что пыталась сузить свои излишне густые черные брови. Почему-то Луиза испугалась угрозы (может, тоже пробовала выщипывать?), она прошептала:

— По тебе исправительный дом плачет.

— Ага, — согласилась я, прыгая через ступеньку.

Пусть жалуется!

Не донесла, испугалась за свои белесые полосочки над глазами.

Потом на своей вилле «Ла Пауза» я сделала такую же лестницу, нарочно отправив архитектора в Обазин, чтобы скопировал. У меня она называлась «Лестница монашек». И никто не мог понять, откуда столь странная прихоть. А это было всего лишь воспоминание о строгом детстве в обители.

На каникулы нас увозили к тете Луизе в Варенн, не потому что хотели видеть, а просто за компанию с ее дочерью Мартой. Сироток не слишком любили родственники, но я все равно ждала эти каникулы, просто на чердаке дома нашлось настоящее сокровище — дешевые слащавые романы. Их когда-то собрали по кусочкам из газет и сшили толстой нитью. Читать приходилось осторожно, пожелтевшие листы легко рвались, но какое я получала удовольствие! В романах совершенно другая жизнь, где героини, даже если оказывались бедны как монастырские крысы, не ходили в одинаковых платьях и за обедом не брали ложки в руки по команде дежурной сестры, зато переживали неистовые страсти.

Ничто не могло оторвать меня от рассказов о внешности и страданиях романтических героинь, от сопержи-

вания благородным разбойникам, которым непременно надо победить врагов и спасти очаровательную девушку, чтобы потом на ней жениться.

Никто не смог бы убедить меня, что описание накидок, манто или лиловых платьев страстных красавиц, падающих в обморок по любому поводу, но обязательно на руки своих спасителей; мускулистых торсов героев, видных сквозь порванные в жестоких боях рубашки (при этом тела героев оставались без единой царапины, а раны мгновенно превращались в красивые шрамы) и подобной сентиментальной чуши не есть настоящая литература.

Героини с томным вздохом лишались чувств, а открыв глаза, обязательно обнаруживали перед собой красивое, мужественное лицо спасителя и тут же понимали, что это любовь...

Благородные разбойники или бедные красавицы, которых они спасали (а часто и те, и другие), потом оказывались вовсе не бедными, но действительно благородными, из-за козней родственников вынужденные вести разбойную жизнь или с детства скитаться по приютам. Справедливость всегда торжествовала, мерзкие родственники бывали наказаны, а герои и героини возвращались в свои замки и жили с тех пор счастливо, купаясь в роскоши. Надо ли говорить, что такое чтиво к собственным родственникам любви не прибавляло...

Как бы ни было ужасно, но пристрастие к подобному мусору у меня сохранилось навсегда, а вот лиловый цвет я с тех пор ненавижу.

Конечно, встречалось и то, что стоило прочитать, даже обладая не стопками газетных вырезок, а большой библиотекой. Среди романчиков, годных только для растопки камина, нашлись книги Шарлотты Бронте. Сходство с ее героинями для меня было несомненным. «Грозовой перевал» — одна из любимых книг до сих пор, а тогда я ее просто обожала.

Взять романы с собой в монастырь я, конечно, не могла, но за каникулы прочитывала столько, что до следующих едва успевала переварить.

Может, мой отец тоже воюет с врагами, чтобы освободить прекрасную незнакомку? При мысли о незнакомке становилось не по себе. Ради какой-то чужой женщины забыть о дочерях?! Никакая самая замечательная красавица в роскошном наряде такого не стоила! Я стала приглядываться к женщинам: какая из них могла бы заставить отца поступить так, эта? Или вот эта? А может, та в роскошном лиловом платье и шляпе с большущими перьями? Ненавижу яркий розовый цвет!

Мы редко покидали стены обители, так что глазеть приходилось на каникулах. Но и тогда у меня имелось не слишком много возможностей, по Варенну не гуляли незнакомки в немислимых нарядах, и благородные разбойники не водились тоже. Если и были, то совершенно неблагородные, грубые, дурно пахнущие и не в красивых кафтанах с позументом, а в лохмотьях, сквозь которые проглядывали вовсе не мускулистые торсы. А женщины ходили в выцветших от долгой носки шляпках с идиотскими букетами искусственных цветов, тоже блеклых и пыльных.

Только тетя Луиза, которую мы почему-то переименовали в Жюлию, умела переделывать свои шляпки так, чтобы они оказывались ни на чьи не похожи. В Варенне подобный поступок выглядел дерзостью, но мы были счастливы, когда и нас привлекали к столь увлекательному занятию.

Творить... Неужели я научилась этому у тетки? Но все равно не любила ее, потому что после каникул приходилось возвращаться в приют, где нас снова звали сиротками!

Зато когда дед решал взять меня в Мулен, восторгам не было предела. Там совершенно другая жизнь, Мулен не Варенн, попить целебной водички летом съезжалось множество желающих, от созерцания которых пойти кругом

голова могла у кого угодно, не только у меня. Послушать оркестр, играющий в парке мелодии из модных оперетт, полюбоваться необычными и элегантными нарядами дам, внимать иностранной речи... Когда не понимаешь, о чем говорят красиво одетые люди (тогда я думала, что они одеты красиво), кажется, попала в заколдованный мир.

Моим сестрам это не нужно, ни Жюлия, ни Антуанетта в Мулен не рвались. Но я не переживала, потому что со мной была Адриенна — тетя, младшая дочь моих деда и бабки, моя ровесница, ставшая подругой на всю жизнь. У бабушки с дедом родились девятнадцать детей, почти все они выжили и имели свои семьи, некоторые мотались по свету, как мой отец, но большинство сидели на месте. И ни у кого не нашлось в доме местечка для племянниц, нас брала к себе только Луиза и только на каникулы. Она на девятнадцать лет старше Адриенны, а потому Адриенна вместе со мной звала свою сестру тетей. А меня сестрой. Вот такие дела.

Конечно, нас никто не пускал в центр города, наверное, боялись, чтобы чем-то не соблазнились. Как жили на окраине, так и прогуливались там, но после Обазина и окраина маленького Мулена казалась почти Парижем.

Я пересказывала Адриенне прочитанные на чердаке книги, мы их горячо обсуждали и прикидывали, какая из увиденных женщин годилась бы на роль очередной героини. Это так занимательно...

Адриенна очень красивая, она осталась такой и сейчас. Моя тетя вполне могла бы стать таинственной незнакомкой из романов, но ее одевали немногим лучше нас, дед не слишком стремился тратить деньги на украшение своих женщин, считая, что красоту ни к чему выставлять напоказ, это до хорошего не доведет.

Там же я увидела нечто необычное. У бабушки были роскошные волосы, когда она их распускала, волосы покрывали густой волной всю спину. Дед до старости ревновал жену и терпеть не мог вида распущенных волос,

все казалось, что пытается кого-то соблазнить. Однажды после безобразного выговора (далеко не кроткий нрав у меня от деда, он резок и несдержан на язык) бабушка отрезала свою косу и с тех пор постоянно ходила в чепчике.

Это был протест, бабушка очень обиделась на мужа. Через много лет я поступила так же, только чепчик надевать не стала, правда, очень часто, даже дома ходила в головных уборах. Как бабушка? Неужели мои родственники столь сильно повлияли на мою жизнь, сами того не желая? Глупо, лучше бы влияли в другом.

На вопрос, когда же вернется отец, дедушка только пожимал плечами, а бабушка отводила в сторону глаза. Я понимала, что они знают, где их сын, но предпочитала верить, что не знают. Правильно, что отводили; надеяться, что отец может хоть когда-нибудь вернуться, все же легче, чем точно знать, что тебя бросили.

Но дедушка с бабушкой и сами не сидели на месте, они тоже были рыночными торговцами и разъезжали по ярмаркам. Как при этом бабушка сумела родить и вырастить стольких детей, не представляю. Может, потому она презирала мою мать — слабую и никчемную, только и способную виснуть без толку у мужа на шее? Наверное, на мое отношение к памяти матери повлияло отношение бабушки.

Кстати, шляпка на голове дома — хороший способ намекнуть тем, с кем не слишком жаждешь общаться, что тебе некогда. Если в доме появляются нежеланные гости, я начинаю искать перчатки и сумку; выглядит так, словно собираюсь уходить. Друзья знают, что это блеф, но намек понимают все.

Мы с Адриенной стали настоящими сестрами и задушевыми подругами, пронеся дружбу через всю жизнь. Хотя бывали годы, когда она предпочитала мне своего Мориса де Нексона. Вот до чего доводит любовь к мужчинам! Правда, когда Мориса не стало, Адриенна вернулась ко мне.

Тогда казалось, ничто не сможет разлучить нас. И вдруг...

Красавица Адриенна рыдала, уткнувшись в свою подушку.

— Что случилось? Кто тебя обидел?

Адриенна показала письмо:

— Отец. Смотри, что он пишет...

Я едва не закричала, на мгновение показалось, что это письмо МОЕГО отца! Но нет, писал дед — отец Адриенны. Сообщал, что ей подыскали жениха, а потому этот год обучения в Обазине последний.

До меня не сразу дошло содержание, главное, само письмо. Адриенне писал отец... Как бы я хотела получить хоть коротенькую записочку от своего! О чем угодно, только получить, чтобы знать, что он есть, что он помнит.

Но рыдания бедной Адриенны быстро привели в чувство.

— Почему ты плачешь, не хочешь замуж?

Я точно знала, что Адриенна хочет, она мечтала о хорошей, крепкой семье, детях, добром и обеспеченном муже.

— За Поля не хочу...

— Почему?

— Он старый и... плюгавый. — Несчастливая Адриенна протянула карточку предполагаемого жениха.

Я согласилась с презрительным вердиктом. Конечно, старым Поль мог быть только с нашей точки зрения, но внешностью благородного разбойника жених Адриенны действительно не отличался, скорее наоборот.

— Мне уже сказали, что на следующей неделе нужно уезжать домой, чтобы выйти замуж...

Слезы снова полились ручьем.

— А ты?

— Я согласилась, что я могу?

— То есть тебя прямо отсюда и под венец?

- Да. Я лучше монахиней стану, чем за Поля.
- Вот еще! По-моему, лучше сбежать.
- Куда?
- Не знаю, мы же смогли заработать, продавая сладости, сможем и еще.

На каникулах нам действительно повезло, на несколько дней удалось заменить продавщицу сладостей с лотка и немного подзаработать. Эти деньги до сих пор лежали в кубышке, и о них никто не знал.

Мы сбежали. Более нелепого побега придумать невозможно. Кому нужны две мечтательницы-недотроги? Где работать и жить? Куда мы вообще бежали? Неважно, главное — из неволи!

Ума хватило только на то, чтобы, согласно поведению героинь романов, выбросить кое-какую одежду, свернутую в узел, в окошко, чтобы не шествовать с этими узлами у всех на виду. Дальше начался спор. Денег немного, на поезд купили билеты во второй класс, но я уперлась:

- Поедем первым!

Где еще мы могли встретить принца на белом коне? Неважно, что лошади, даже белые, в поездах не ездят, главное, первым классом ездят принцы, это я знала точно. Адриенна пыталась меня увещевать, но то ли делала это не слишком решительно, то ли мой напор оказался куда сильней, поехали мы с шиком (обшарпанный вагон первого класса тогда казался шиком, как же, в нем были диваны, обитые потертым бархатом, расцветка которого от ветхости не поддавалась определению!).

К нашему сожалению, ни принцев, ни даже их лошадей в вагоне, конечно, не обнаружилось, зато быстро появился строгий контролер, разжалобить которого не удалось. Плакали наши денежки, потому что, кроме доплаты от второго до первого класса, пришлось заплатить немалый штраф. На жизнь не осталось ничего, ни романтические герои, ни благородные разбойники выручать двух наив-

ных дурочек не собирались. А неромантические, оглядывавшие нас масленными глазками и отпускаявшие гадкие шуточки, явно не подходили.

Пришлось возвращаться. Только куда, не в Обазин же?

Тетю Луизу в Варенне едва не хватил удар, когда она поняла, что мы натворили.

— Как вы будете смотреть в глаза своим воспитательницам?!

Очень хотелось ответить, что спокойно, но смотреть не пришлось. Нас категорически отказались принять в Обазине. Кому нужны столь непутевые воспитанницы? Если честно, то я никаких угрызений совести не испытывала. Разве может страдать пойманный узник при воспоминании о своей тюрьме?

Но нас ждала другая тюрьма. Забота и милосердие сестер не оставляет тех, кто попал в их сети. Так заботливый хозяин, погладив пса, обязательно проверит, крепка ли цепь, чтобы тот случайно не оборвал привязь, держащую его в принудительном раю. И хозяина мало беспокоит, что псу хотелось бы побегать на воле, пусть даже впроголодь. Он создал все условия, пес должен быть благодарен.

Нас не вернули в Обазин, а поместили в пансион института Богоматери в Мулене. Снова бесплатно, снова в качестве обузы и приживалок. Ну и что, что это Мулен, а не Обазин? На два года тюрьма, потому что выходить за ограду нельзя, ничего нельзя. Можно только молиться и учиться шить — должна же быть у нас какая-то профессия, которая поможет заработать на пропитание.

Когда однажды через много лет мне пригрозили тюрьмой, я ответила, что свое уже отсидела. Тот, кто спрашивал, не понял, о чем я, широко раскрылись глаза:

— Вы, мадемуазель? За что?!

— За инакомыслие.

Разве тюрьма — только где решетки на окнах? Нет, это там, где зарешечены возможности.

Мулен. Свобода! Свобода?

Что такое свобода? Это возможность не делать то, что тебя заставляют делать, или возможность делать то, чего хочется самому? А если человеку дать выбор между этими двумя возможностями, что он предпочтет? Я — второе, заставить меня поступать против моей воли так и не удавалось никому.

Закончилось и это перевоспитание, через два года нас устроили портнихами к чете Грампер в их роскошный, по нашему представлению, магазин «Святая Мария», торговавший всякой всячиной, начиная от приданого для невест и заканчивая крючками и пуговицами. Нашей задачей стал мелкий ремонт одежды и привлечение покупательниц приятным обхождением.

Сначала восторг вызывали два факта. Во-первых, двух беспокойных мечтательниц поселили в крошечной комнатке под самой крышей вдвоем. Теперь мы жили вместе и могли не разлучаться совсем. Это существенно, если вы инакомыслящие.

Вторым приятным сюрпризом было то, что магазин находился почти в центре Мулена, где всегда бурлила жизнь. Позже мы поняли, что не так уж бурлила и что это за жизнь, но после Обазина и застенков пансиона все казалось восхитительным.

Однако и здесь наше собственное существование не слишком отличалось от прошлого монастырского, монахини знали, куда устраивать на работу своих выпускниц! Жесткий надзор в обители сменился пусть менее жестким,

но все же надзором четы Грампер. Обязались они, что ли, за нами следить?

Я мучилась, как я тогда мучилась от понимания, что жизнь надо как-то менять, и от невозможности это сделать! Мысли Адриенны были куда приземленней, ей всегда хотелось замуж, хотелось иметь прочное, обеспеченное будущее. Я не считала это мечтой, это просто желание, мне тоже хотелось обеспеченного будущего, но какого-то не такого, как Адриенне. И я мечтала за двоих.

О чем? Не знаю, даже не помню, просто хотелось перемен. Разве для того мы выбрались из Обазина и строгого надзора его монахинь, чтобы и в Мулене целыми днями работать в магазине под присмотром хозяев «Святой Марии», а потом до поздней ночи корпеть над чужими нарядами?

До сих пор удивляюсь, как вот эти «посиделки» с иглой в руках над платьями клиенток не отвратили меня от шитья вообще. Наверное, только потому, что, переделывая каждое платье (на мой взгляд, обычно нелепое и перегруженное деталями), я представляла в нем себя или, наоборот, представляла, каким бы сделала его для себя или женщины, себе подобной.

Первым бунтарским поступком стал съём отдельной комнаты вместо отведенного нам уголка в мансарде у хозяев, чтобы хоть по вечерам не быть подотчетной владельцам «Святой Марии». Адриенна пришла в ужас:

— Габриэль, ты не умеешь тратить деньги! На что ты будешь жить?

У нас был общий кошелек, и тратила действительно она, у меня всю жизнь деньги утекали как вода сквозь пальцы.

— А разве ты не со мной?

Она боялась, что родные будут против нашего проживания в съемной комнате, что нам не на что станет жить,

что хозяева прогонят нас из магазина, узнав о приработке по ночам... Адриенна боялась всего, я — ничего. Все должно само собой образоваться, я ничуть не сомневалась в успехе. К тому же так хотелось прогуливаться по парку или просто по улицам, хотя бы изредка бывать в кондитерской. Если уж невозможно жить другой жизнью, то смотреть на нее не возбраняется?

«Глазеть!» — сказала Адриенна. Пусть так, если нет другого. Но моя дорогая тетка-сестра прекрасно понимала, что, если я начну глазеть, меня уже не остановишь. Конечно, она права, простое разглядывание даже кокоток, подъезжавших к кафе в роскошных экипажах, обдающих нас запахом духов, шуршащих шелками своих подолов и прятавших лица за полями огромных шляп, привело к желанию изменить что-то и в себе.

Удивительно, но я никогда, ни тогда, ни позже, не считала этих совершенно безвкусно одетых и дурно пахнущих (разве можно считать хорошим убийственный запах целой клумбы цветов?) женщин ничтожествами. Размеры их шляп были немыслимыми, часто шире собственных плеч, платья украшены огромными турнюрами, на всем обилие искусственных цветов и модного тогда жемчуга. И все же они казались мне великолепными.

Мы переехали в крошечную, обставленную убогой мебелью комнатку вдвоем. Нет, не так, сначала переехала я, а потом ко мне присоединилась Адриенна. Конечно, наше жилище располагалось не в центре города, мы поселились на улочке Пон-Гинге, где сильно пахло сыростью от реки, а сама улица в дождь превращалась в грязное месиво, зато самостоятельно! Простая возможность хотя бы вечером жить своей жизнью, не зависеть от времени ужина хозяев, не отходить ко сну в положенный час быстро сказалась и на нас. Бывало, мы не ужинали вовсе, бывало, сидели едва не до рассвета, чтобы успеть выполнить какую-то срочную работу заказчицы, но в остальном стали сво-

бодны! Это может оценить только тот, кто много лет жил под ежеминутным надзором.

Я упивалась этой свободой, а Адриенна... она просто вынуждена радоваться со мной. В нашей паре ведущей всегда была я, а моя тетушка-сестра повторяла. Даже позже, когда Адриенна уже пошла своей дорогой, все равно прислушивалась ко мне.

Помню наш первый поход в «Гран-кафе». Скопив работой по вечерам немного денег, я храбро заявила, что пора погулять. Конечно, Адриенна ужаснулась:

— Габриэль, что будет, если нас увидят родственники?!

— Кто? Кто из наших родственников ходит в «Гран-кафе»?

Конечно, не ходили, мало того, не подозревали, что это такое. Главное, чего мы боялись — что у нас не хватит денег, чтобы расплатиться за заказ, а потому взяли с собой все содержимое кошелька. Адриенна тихо стонала от мысли, что мы все потратим и останемся без средств на целую неделю:

— Габриэль, на что мы будем есть?

Я махнула рукой:

— Будем голодать!

Едва ли такое бодрое заявление добавило несчастной Адриенне спокойствия. Она не получила никакого удовольствия от чая, который мы выпили в кафе. В Обазине не было принято чаепитие, у тетушки Жюлии тоже, я же впервые увидела, как богачи пьют чай, когда ездила к одной из заказчиц в замок.

Не буду говорить, чей это замок, потому что госпожа Н еще благоденствует, но тогда мне все показалось замечательным. Ей понадобилось переделать несколько платьев, обновить, кое-где подшить новые кружева, где-то прикрыть вышивкой пятна, где-то расставить. Мы с Адриенной не шили одежду от начала до конца, а скорее переделывали ее для заказчиц, и все были довольны.

Адриенна была больна, и я поехала одна. В тот день мы не работали в магазине, потому отправилась с утра. Я добралась до замка где-то в полдень, но заказчицу застала в постели, та еще не вставала. На столике рядом с большущей кроватью стояла чашка с кофе, в пепельнице лежали несколько окурков дорогих тонких сигарет, сама дама в роскошном пеньюаре показалась мне просто королевой...

На неискuschenную девушку, не видевшую в жизни роскоши вообще, вокруг которой всегда были только простые беленые стены и такая же простая мебель, позолота на спинке кровати и множество резных украшений произвели громадное впечатление. Вот как живут те, кто приезжает в магазин в собственных экипажах, у кого достаточно денег, чтобы содержать замок!

Одно из платьев не требовало большой переделки, а нужно оказалось срочно, потому было решено, что я останусь и все сделаю прямо на месте. Так я провела в замке целый день и видела пятичасовое чаепитие (мода, вынесенная хозяйкой из Англии). От меня не укрылось, что ванная на огромный замок всего одна, что волосы мадам не мешало бы вымыть, что на большинстве платьев под мышками пятна от пота... Но это мелочи, я могла сколько угодно презирать мадам за недостаточное внимание к гигиене, но при этом отчаянно завидовала ее светским манерам (это позже я поняла, что не все так благополучно), ее уверенности, принадлежности к другому миру, за которым я имела возможность только подглядывать в щелочку.

Хотелось ли мне попасть в этот мир? Если вы слышите из-за двери кинозала звуки идущего фильма, смех или рыдания зрителей, а через чуть приоткрытую дверь видите узкую полоску экрана, разве вам не хочется войти внутрь и тоже посмотреть волшебное действие? Мне хотелось, а потому, как только Адриенна выздоровела, мы отправились в «Искушение» пить чай!

Никаких особенных трат не потребовалось, скопленных денег без ущерба для недельного бюджета хватило на чай с пирожными. Пирожные Адриенне понравились, а вот чай нет. Мне чай пришлось по вкусу, но я страстно хотела попробовать настоящий кофе, такой, как был в чашке на столике у кровати мадам.

Так и текла наша жизнь: всю неделю мы усердно работали, иногда прихватывая и воскресенье, а потом отправлялись прогуливаться по улицам, чтобы в конце концов зайти в кондитерскую и выпить чаю или кофе с пирожными, полакомиться фруктовым мороженым и поглазеть на публику побогаче. Откуда в захолустном Мулене богатая публика? О... это отдельный разговор под названием «10-й егерский полк»!

В этом полку, расквартированном рядом с Муленом по ту сторону реки Алье, не служил кто попало, там был, по нашему мнению, цвет общества.

Люблю ли я военных? 10-й егерский любила точно, если бы не они, я так и осталась бы тихой швеей на улице Пон-Гинге и в магазине «Святой Марии».

Кавалеристы были очаровательны. Более нелепые наряды придумать трудно, но тогда мы откровенно восхищались их удалью, ярко-красными шароварами и дурацкими кепи с огромными козырьками. Кисточки их браденбуров на венгерках так задорно «выплясывали» при каждом движении... Единственное, что из их формы не претит мне и сегодня, — галуны, вышивка, если ее не слишком много, всегда хороша, и галуны тоже. С тех пор я часто использовала именно галуны и тесьму, на них похожую, в отделке своих моделей.

Не менее пронзительно голубых венгерок с «золотыми» браденбурами мне понравились сами усачи. Они были из лучших семей, но если и кичились своим происхождением, то не в Мулене, напротив, там чувствовали себя весьма раскованно. А еще меня восхищала возмож-

ность посмотреть на их родственниц, время от времени навещавших «своих обожаемых мальчиков».

Обожаемые мальчики частенько заходили днем в кондитерские или кафе, а вечера проводили в кафешантане «Ротонда». Мы с Адриенной быстро поняли разницу между двумя кафешантанами, во втором — «Ле Бодаре» — просиживали в основном мелкие чины, а потому он считался просто кабаком. Но сами мы попасть вечером ни в одно из кафе не могли, это было слишком неприлично. Оставалось ждать, когда нас заметит кто-нибудь из красавцев в голубых венгерках и красных шароварах и пригласит туда.

Адриенна только отмахивалась:

— Нет, нет, что ты! Что о нас подумают?!

— Кто подумает, родственники? Поверь, им совершенно все равно, где мы и что с нами, только бы не принесли в подоле своих детей на воспитание.

Как ни обидно, но это было так. Правда, сестра Антуанетта, все еще жившая в обители, постоянно писала противные назидательные письма, умоляя не натворить глупостей и помнить о необходимости вести себя достойно. Мы вели...

Даже попав вместе с сопровождающими в «Альказар» и выплясывая там, держались недотрогами. Удивительно, но к нам так и относились. Было весело, очень весело, мы с удовольствием танцевали в конце недели в том или ином кафе, слушали патриотические куплеты в «Ротонде», но никто не мог упрекнуть нас в излишне легком поведении.

И все же я не люблю вспоминать «Ротонду». Не потому, что там было плохо или что-то не так, как раз в «Ротонде» я имела большой успех, а потому, что за этим последовало.

Но для начала мы попали в самую «Ротонду» уже не как посетительницы, а как... артистки.

К этому времени обе были совершеннолетними, но женихов не имели, и уходившие год за годом оставляли все меньше надежды чего-то добиться. Выйти замуж? Но за кого? Кавалеристы могли водить нас в кафе, угощать мороженым и лимонадом, могли даже сделать любовницами, но только не женами. Аристократы не женятся на швеях, даже очень красивых и необычных. Выходить замуж за тех, кто ровня нам самим, означало на веки вечные поселиться в грошовых комнатах, ночами корпеть над заказами, нянчить выводок детей и пытаться вырваться из бедности, оставив детям только залатанные платья и старую мебель.

Но если не замуж, то что? Становиться кокетками? Красивые, роскошные женщины, всегда веселые, которых сопровождали мужчины с масляными взглядами, хоть и нравились, но я прекрасно понимала, что стать такой мне не грозит. И дело не в отсутствии красивых форм тела, ведь мне то и дело советовали побольше есть, чтобы хоть как-то выглядеть, дело в моей независимости. Жить на чьи-то деньги, прекрасно понимая, что ты игрушка, которую купили на время, не для меня. Даже позже, когда все-таки именно так жила с Бальсаном, я стремилась к денежной независимости.

Адриенне, которая выглядела совершенно несовременной женщиной, казалось, вообще не грозило стать содержанкой. Но и тут я ошиблась, Адриенна ею стала, правда, в конце концов выйдя замуж за барона Нексона. Тогда такой вопрос перед нами не стоял, мы не годились в роскошные женщины, плечи которых окутывали меха, а запястья украшали золотые браслеты... мы этого не стоили.

Оставалось одно: становиться актрисами. Мне казалось, что только актрисы могли быть независимы от мужчин. Мысль открыть свое дело в голову, конечно, не приходила, разве потихоньку что-то перешивать, ни на что большее две девушки без средств рассчитывать не могли не только в Мулене, но и городе побольше.

В отличие от Адриенны, мечтавшей о доме и семье, я мечтала о славе, будучи абсолютно уверена, что если неплохо пела церковные гимны в монастыре, то уж с опереточными песенками справлюсь в два счета. К столь радикальному выводу меня подвигло и то, что я видела, а главное, слышала в «Ротонде». Там не выступали певицы мировой величины, местные звезды давились песенками ничуть не лучше нас с Адриенной.

«Ротонда» была любимым местом проведения воскресных вечеров егерей, где же еще развлекаться, как не там! К нам привыкли, нашего прихода ждали, встречали с восторгом, приветствовали. Мы стали приятельницами многих кавалеристов, оставаясь при этом «ничьими», это выгодно; не желая ссориться между собой, они не претендовали на близость с нами, при этом охотно оплачивая разные мелочи. Но это не могло продолжаться бесконечно.

Часто по вечерам, глядя на то, как уверенно держатся на сцене одни певицы и совсем неуверенно другие, я кипела: я бы на их месте...

Казалось, стоит выйти на сцену, и во мне откроются такие таланты, что «Ротонда» будет сражена наповал. Однажды я вдруг заявила Адриенне:

— Мы должны здесь выступить!

— Что делать?

— Выступать.

— Где?

— Здесь! И не говори, что у нас нет голосов или умения двигаться, все есть!

Сестра с ужасом округлила глаза:

— Но Габриэль, кто нас возьмет?!

Почему-то именно это сомнение решило все, я уперлась и стояла на своем: мы будем здесь выступать! Позже Бой не раз говорил, что я упряма, как осел. Возможно, но пела-то я куда лучше любого осла!

Возможно, спор с Адриенной проходил и не в таких выражениях, но помню одно: она сомневалась, я упиралась. Победила я, и на следующий день, разодевшись в пух и прах (хотя особого выбора у нас не было), мы отправились к директору «Ротонды». Я не помню его имени, хотя, думаю, он меня запомнил.

Несмотря на все свое бахвальство, я страшно трусила, а потому вела себя откровенно нахально. Немного позже вообще поняла, что лучшее средство заткнуть всем рты — это наглость, и частенько таким средством пользовалась.

Едва переступив порог директорского кабинета, я с ходу заявила, что мы готовы подписать контракт на год, с тем чтобы выступать по вечерам с парой песен. Директор потерял дар речи, успев предварительно уточнить:

— Кто?

— Мы! — отступить некуда, или нас возьмут, или в «Ротонде» отныне лучше не появляться.

Когда к директору наконец вернулась способность что-то произносить, он почти прохрипел:

— Петь?

— Да, у нас хорошие голоса.

Если бы он еще немного посомневался, все рухнуло бы, Адриенна была готова с рыданиями броситься прочь, почти наверняка я позорно сбежала бы за ней. Но последовала просьба:

— Спойте что-нибудь. Мадемуазель, где вы пели?

Сказать ему, что пели в церковном хоре? Или спеть то, что и так каждый вечер звучит в «Ротонде»? Это означало безусловный отказ. И я, уперев руку в бок, неожиданно для самой себя залихватски пропела те самые куплеты с петушиным криком! Знать бы тогда, как пристанет ко мне это «Ко-ко»! Но даже если бы знала, не отступила.

Директор молча кивнул и знаком предложил присесть, видимо, все еще приходя в себя от моего напора. Адри-

енна пять категорически отказалась, но я, почувствовав интерес с его стороны, заявила, что у сестры голос еще лучше, только репертуар пока неподходящий. Уточняя, где же мы все-таки пели, он не стал.

Потом я поняла, сколь необычно это выглядело: две девушки с внешностью скромных швей вели себя с наглостью завзятых певичек кафешантана. Вернее, вела я, Адриенна скромно сидела на краешке стула. А у меня к скромному одеянию добавлялись еще худоба и откровенно детский вид, я всегда выглядела много моложе своих лет, в те годы совсем по-детски. Но тем нахальной держалась.

Из кабинета мы вышли с подписанным договором на целый год. Конечно, директор не мог рисковать, он не определил нам какой-то платы, но разрешил собирать деньги в свою пользу после каждого выступления. Тогда в Мулене это практиковалось, думаю, сейчас никому и в голову бы не пришло допустить толпу ничтожеств болтаться по сцене позади солисток и заполнять собой паузы между номерами на свой страх и риск.

В этом и состоял договор: нас допускали присутствовать на сцене и что-то изображать тогда, когда основной состав отдыхал. Можно было спеть, станцевать, а потом пройтись со шляпой по кругу в надежде, что кто-то опустит монетку в качестве поощрительного приза. За сезон таких певичек у задника сцены через кафешантан проходило великое множество, достаточно, чтобы неудачницу пару раз освистали, и хозяин, пожав плечами, договор разрывал и брал новую мечтательницу покорять артистический Олимп.

Почему я решила, что отличаюсь от всех, кто бестолково топтался и противно ныл, изображая пение, не знаю, но я твердо верила, что уж меня-то не освищут ни за что. Теперь я понимаю, что уверенность основывалась на непрременном присутствии наших приятелей-егерей в зале.

Попробовал бы кто-нибудь хоть раз свистнуть, это могло оказаться его последним днем. Зато весьма громкая поддержка нам была обеспечена!

Так и произошло, только услышав, что завтра мы поем в «Ротонде», приятели заполнили ее настолько, что яблоку негде упасть, выкрики, поддерживающие меня, легко заглушили само выступление. Аншлаг в масштабах «Ротонды» был полный, и это повторялось каждый вечер.

Но тогда успех был еще впереди, а пока мы возвращались к себе в комнатку, Адриенна всю дорогу ворчала:

— Это ты считаешь достойной работой?! Мы были пусть не богатыми, но честными швеями, а что теперь?

Я разозлилась:

— Ты можешь оставаться швеей! Или быть честной и здесь.

Адриенна помолчала, а потом поинтересовалась:

— А что ты будешь петь?

Хороший вопрос, потому что, кроме этих петушинных куплетов, я не знала почти ничего. Повторять репертуар певиц-солисток чревато неприятностями.

— А ты?

— Я? Я не собираюсь петь, что ты! — испугалась Адриенна.

После раздумий было решено, что я попробую спеть «Кто видел Коко у Трокадеро?», а сама Адриенна станет собирать деньги, обходя публику с изящной шляпкой.

Шляпку мы соорудили, а вот остальное было кошмаром. Внутренности «Ротонды» совершенно не соответствовали моим понятиям о жизни звезд кафешантана. Крохотная гримерка на двоих, размером чуть больше примерочной кабинки в магазине, воду нужно приносить с собой, убирать ее тоже, везде пахло пылью и затхлостью, гуляли сквозняки, в зале запах пищи и пива, выкрики, визг и расстроенное пианино...

Я видела все это, но с другой стороны рампы, если край крошечной сцены можно такovým назвать. Вернее, видела только то, что творилось в зале, а за сценой... Конечно, в первый же день Адриенна ужаснулась:

— Может, не стоило сюда приходить?

И снова ее сомнения лишь придали мне уверенности.

— Ничего, мы здесь временно. Когда-нибудь мы будем вспоминать «Ротонду» со смехом, а те, кто нас будет слушать, будут рассказывать о нас внукам.

Даже сейчас я вспоминаю «Ротонду» с неприязнью, потому что не желала переодеваться у всех на виду, считала остальных бездарями и не скрывала этого, в конце концов, аплодировали мне, пусть не столько за пение, сколько за выходы и ужимки, а деньги собирали на всех! Эти бездарности живились за мой счет и про меня же говорили гадости! Я не желала спать с теми, кто мне это без конца предлагал, несмотря на мою худобу, из-за чего нам с Адриенной под дверь без конца подсовывали какие-то гадкие записки.

Помню, почти каждый вечер, когда мы возвращались из убогой гримерки «Ротонды» в нашу не менее убогую, но хотя бы чистую комнатку, я подолгу перемывала косточки всем своим товаркам. Эти никчемные девицы, полумертвые от страха, были просто мебелью на сцене, нужной лишь для подчеркивания солисток. Даже если кто-то из них и имел голос, то показать его никак не мог, потому что дрожащие голоса никогда не бывают хороши. Дрожали они от страха, именно из-за него отказалась петь Адриенна.

Наши подруги-соперницы (второе куда больше, чем первое), стоило уйти со сцены солистке, одна за другой судорожно набирали воздуха в легкие и сдавленными голосами выводили черт-те что! Некому было подсказать, что брать слишком высоко опасно, голос обязательно «даст

петуха», а если этого и не произойдет, то откровенный визг и писк тоже не украсят певичку.

Но это бы полбеды, я могла вообще не петь, а лишь выделывать свои па на сцене, но мне бы аплодировали! А эти ничтожества и двигались как куклы, которых дергают за нитки, они были неуклюжи, страшно скованны, нелепы.

Зато когда приходил мой черед... Соперницы ехидничали, что аплодировали не моему пению, просто меня приветствовали мои приятели. Однажды я посоветовала завести и себе таких друзей. Мало того, выкрикнула это громко, чтобы слышали все. Зал взорвался криками восторга, меня готовы нести на руках, но я гордо этого не позволила.

Сейчас я прекрасно понимаю, что «Ротонда» была просто жалким подражанием кабаре, что публика там собиралась хоть и лучше, чем в других местах Мулена, но не слишком взыскательная, что меня и впрямь приветствовали больше по-приятельски, чем из-за певческого таланта. Но тогда, выходя на сцену и слушая крики восторга, чувствовала себя настоящей звездой мюзик-холла. Я пела и чудила с удовольствием, а мне просто завидовали! Завидовали и делали гадости.

Зависть надоела, а успех вскружил голову настолько, что я решила: на лето нужно выехать попеть в Виши. Виши курорт, там совсем другая публика, там можно попасть на глаза не только егерям полка, расположенного рядом, но и еще много кому из тех, кто правит бал в мюзик-холлах и еще лучше — в оперетте.

Адриенна привычно была в ужасе, и не она одна.

Жюлия, наша старшая сестра, жившая у тетушки Жюлии из простой милости, пошла по стопам матери, она связалась с бродячим торговцем и родила от него сына. При этом торговец не желал на ней жениться, хотя ребенка признал. Представляю, как ехидничали родственники по

поводу моей сестры. Вот оно, отродье Жанны, чего ждать от дочерей той, что силой заставила бедолагу Альберта жениться на себе, а потом моталась за мужем, не оставляя ни на минуту и то и дело рожая новых отпрысков?

От Антуанетты из пансиона приходили страшные письма, она заклинала нас всеми святыми не поступать так же, не допускать до себя мужчин, пока те не женятся, беречь девичью честь. Я так и забыла спросить, сама ли сестра писала эти глупости или ей диктовали монахини. Скорее второе...

Представляю, какие потоки грязи вылились бы на нас с Адриенной, узнай ханжи-родственницы о криках восторга кавалеристов после наших выступлений в «Ротонде»! Слава богу, этого не случилось. Только тетка открыто заявила, что, поскольку мы живем отдельно, то и «в случае чего» на их помощь можем не рассчитывать. Адриенна, у которой разорвались отношения с Робером де Гандри (мать запретила ему жениться на бедной девушке), сильно страдала. Робер был прекрасным молодым человеком, хотя я не понимала, как можно мечтать выйти за него замуж? Адриена мечтала. Она всегда хотела иметь дом, семью, достаток, прочное положение и уважение соседей. Конечно, танцуя и распевая в «Ротонде», этого не добиться никогда.

А чего хотела я? Я тоже хотела иметь семью и прочное будущее, но боялась этого, вернее, боялась обмана, боялась остаться с детьми покинутой мужем. Конечно, мы были совсем взрослыми девушками, которым давным-давно положено иметь мужа и детей, но не выходить же замуж в Варенне! И в Мулене было категорически не за кого. Кавалеристы могли сделать своей любовницей, одной из... и на время... А что потом? К тому же они были все похожи, а когда все одинаковы, тогда скучно, несмотря на вечернее веселье.

Так чего хотела я? Успеха! Большого успеха! Огромного, причем не в Мулене, не в Виши, а в Париже. Подняться в Париж... что могло быть более заманчивым? И если для этого нужно сезон провести в Виши, то пожалуйста.

Все друзья-кавалеристы, хотя и изображали страдания из-за нашего отъезда, прочили мне огромную удачу в Виши. Нашелся всего один человек, который ни на мгновение не поверил в мой будущий успех на сцене, — Этьен Бальсан. И именно этот человек так разительно отличался от остальных! Бальсан сыграл в моей жизни огромнейшую роль, без него я в конце концов вышла бы замуж за какого-нибудь глупца из кавалерийского полка, родила детишек и все оставшиеся мне годы проклинала эту жизнь.

Когда наши глаза впервые встретились, я сразу поняла, что этот человек рядом со мной не просто так. Он особенный, и это чувствовалось с первых минут общения. Бальсан не отличался красотой и даже статью, он был богат, но вел себя странно. Богач, не желающий жить как все богачи, пехотинец, влюбленный в лошадей, он был из другой жизни, в которую мне ни за что не попасть. Со мной держался дружески, в любовники особенно не рвался, я не в его вкусе. В его вкусе красавица Эмильенна д'Алансон, между ней и мной, как говорил сам Этьен, настоящая пропасть. По его тону я понимала, что пропасть не в мою пользу.

Эмильенна красавица, имевшая многочисленных богатых поклонников и умевшая делать на этом деньги, вернее, получать от них подарки, достойные лучших ювелирных салонов. Бальсан был ею не на шутку увлечен, но сумел вырваться из любовных пут, не растратив на красавицу свое состояние и фамильные драгоценности. Это поднимало его как в глазах родственников, так, видно, и в своих собственных.

Я действительно казалась безнадежно далека от этого «идеала», но не столько потому, что не имела пышных форм и умения обирать поклонников, сколько из-за ее манеры одеваться и держать себя. Всегда терпеть не могла дам, закованных в корсеты и ходивших на высоких каблуках. Определенно нет ничего более неудобного, чем каблук под пяткой, тугие, невероятно стискивающие талию (словно хотели переломить туловище надвое) и создающие выпяченный зад корсеты, множество всяких перьев и цветов на шляпках, длиннющие шлейфы платьев, которые я звала хвостами, турнюры, увеличивающие зады в несколько раз.

Но если кокоткам я такое прощала, даже считая красивыми в их огромных шляпах с полями шире собственных плеч, с накрашенными лицами, то светским дамам простить не могла. А еще они все мне казались... грязными! Еще когда обшивала заказчиц из замков вокруг Варенна, бывала в ужасе от понимания, что они слишком редко принимают ванну. Кокотки и те мылись чаще. Состоятельные дамы, для которых это просто не могло быть трудом, крайне редко мыли волосы, потому от них иногда пахло потом и еще много чем.

Эмильенна пахла чистотой, но была старой и одевалась как все. Бальсан любил женщин старше себя! Мы с ним почти ровесники, и ко мне Этьен относился вполне по-дружески.

Только в одном оказался непреклонен:

— Из тебя никогда не получится певица ни в оперетте, ни в мюзик-холле, ни вообще где-либо.

И все же именно Бальсан дал денег на Виши. Не слишком много, но ничего не требуя взамен, попросил только сообщить свой адрес, когда снимем комнату, чтобы он мог приехать и лично убедиться, что мы не на помойке.

Зачем он это сделал? Чтобы смогла понять, что как певица я бездарь, и наконец оставить свои мечты покорить

Париж, солируя в «Мулен Руж». Иногда я размышляю, что было бы, не ссуди он меня деньгами? В Мулене я продолжала бы мечтать об артистической карьере, будучи в полной уверенности, что аплодисменты моих приятелей-кавалеристов и их восторженные выкрики вполне отражают мои способности.

Бальсан оказался умней, он понял, что переупрямить меня невозможно, я сама должна убедиться, что ничего на этом поприще не стою.

Жестоко? Да, но необходимо.

Виши был провалом. Полным и абсолютным.

В разгар сезона две невесты откуда взявшиеся певички были никому не нужны. Импресарио и директора лишь окидывали нас почти презрительными взглядами и отмахивались, не удосужившись даже прослушать. Адриенна не подходила им своей строгой красотой, а я — отсутствием пышных форм.

Да, конечно, мне говорили, что голос слишком слаб, что меня не услышат даже за третьим от сцены столиком, но это глупости, просто голос не поставлен! По моему мнению, это означало только то, что его нужно поставить, разучить новый репертуар, и все. Это требовало много денег, а они таяли, как снежинки на теплой ладони...

Адриенна не выдержала и, горько поплавав, но не потому, что страстно желала карьеры певицы кабаре, а потому, что бросала меня одну, вернулась в Мулен. Я пыталась доказать, что это временно, что к началу сезона мы сумеем поставить себе голоса, сшить подходящие для показа импресарио наряды, научимся двигаться, как это делают солистки... но Адриенна не верила.

Проводив ее на вокзал, я вернулась домой и долго лежала, глядя в темноту и пытаюсь убедить сама себя в том, в чем еще утром убеждала сестру. Что делать? В Виши у меня не было клиенток, на заказы которых я могла жить.

Поддержки со стороны приятелей, как в Мулене, тоже не было, надеяться оставалось только на себя.

И все-таки я была готова голодать, но не сдаваться! Упорно репетировала и репетировала несколько месяцев, но тщетно. Надежда рухнула, когда стали набирать артисток для нового сезона. Ни на одном прослушивании я не прошла! Директора не увидели во мне актерской жилки.

Желания стать певицей, даже такого сильного, как у меня, оказалось мало, требовался голос. Никакие репетиции до изнеможения, никакие старания не помогли, меня не взяли ни на одну сцену! Сезон начался, а я осталась не у дел. Это было крушение не просто надежды, рушилась вся будущая жизнь. Что делать?

Весь сезон я проработала в Виши... разливая воду курортникам. Но сезон закончился, отдыхающие разъехались, жить стало просто не на что. Я прекрасно понимала, что ни в какое кафе меня не возьмут и петь я не буду. В Виши делать было просто нечего, придется возвращаться.

Назад в Мулен или вперед к новой жизни?

Певицы из меня не получилось, но, может, получится что-то другое? Мысль была достаточно бодрой, если вспомнить мое тогдашнее положение.

Мулен принял меня равнодушно, то есть совершенно равнодушно, словно и не было веселой певицы Коко в «Ротонде». Бальсан пожал плечами:

— Я тебе говорил, что ничего не получится.

Что я могла ответить, «спасибо за поддержку»? Но почему он должен меня поддерживать?

И снова были дни и ночи с иглой в руках, но теперь уже без Адриенны, которая жила у Мод Мазюэль за городом. Мод была весьма странной особой, огромная, безмятежно величавая, она не ходила, а словно плыла по жизни. Увидев такую, любой мгновенно верил, что у нее все

в руках и все под контролем. Несмотря на гладкое, без единой морщинки лицо Мод, никому в голову не приходило, что она молода, Мод звали мамашей все — от сопливых мальчишек до пожилых ловеласов. Под ее крылышко стремились спрятаться многие девушки, ей почти ежедневно кто-то плакался в пухлое плечо, будучи твердо уверенным, что уж Мод заставит негодника жениться или хотя бы признаться в любви.

Ей бы содержать бордель, но она решила иначе: бордель — это грубо, можно же куда изящней. Изящней оказалась вилла в Совиньи рядом с Муленом. Там почти ежевечерне собирались веселые компании, ели, пили, шутили, занимались любовью... Но у Мод нельзя снять девочку на ночь, уединяться полагалось только тогда, когда отношения определены, а до этого сладостного момента нужно красиво ухаживать за объектом страсти, дарить подарки избраннице, а заодно и самой Мод.

Если пара вообще складывалась, Мод получала нечто вроде комиссионных за сводничество. Кем она была? Свахой, сводницей, но не развратницей. Она не поощряла «измен», когда сегодня девушка принимает ухаживания одного, а завтра другого. Такие вертихвостки изгонялись с напутствием:

— Выберешь одного — приходи.

Адриенна была ее любимицей, она не спешила ни с кем в постель, зато за внимание самой Адриенны боролись сразу трое — граф, маркиз и еще кто-то, стараясь один другого переплюнуть в щедрости. Денег было немного у всех троих, что не мешало ухажерам поставлять на вечеринки самые изысканные сладости и вина, а самим дамам (Адриенне и Мод) без конца делать мелкие подарки. Подарки были грошовые, но когда нет белого хлеба, едят черный, все лучше, чем ничего.

Сама Адриенна немного погодя влюбилась, причем взаимно, в барона де Нексона, которому жениться на

бесприданнице равносильно отказу от наследства — непо-
зволительная роскошь для человека, живущего только
на средства родных. Они очень долго были верны друг
другу и, дождавшись смерти отца барона, все же обвен-
чались. Через много лет моя Адриенна стала баронессой
Нексон, а я так и осталась Мадемуазель Шанель, правда,
с добавкой «Великая».

Однако попытка бегства в красивую жизнь не прошла
бесследно. Поняв, что привезла оттуда, кроме разочарова-
ния, нечто куда более серьезное, я ужаснулась. Беремен-
ность в моем положении равносильна смерти!

Что было бы, роди я? Презрение родных? Это самое
легкое. Чего ожидать от дочерей безумной Жанны Деволь,
яблоко от яблони... Старшая родила, теперь вот средняя...
Если они станут каждый год приносить по младенцу, в пору
открывать отдельный приют для этого семейства.

Дать жизнь ребенку, которому никто не будет рад,
на котором всегда будет позор незаконнорожденного?
Выйти замуж за какого-нибудь вдовца с шестью детьми
и всю жизнь выслушивать от него упрёки в распутстве?
Или жить у родственников вместе с ребенком, понимая,
что тебя держат только из милости? Клеймо матери гро-
зило стать и моим.

Нет! Я пошла к акушерке. Лучше взять на себя грех
перед неродившимся ребенком, чем всю жизнь стыдливо
отводить глаза перед рожденным вместо ответа на вопрос
об отце.

Женщина была пожилой и много повидавшей на своем
веку.

— Нет, мадемуазель, я не стану вам делать аборт. Это
ваша первая беременность, если ее лишиться, можно со-
всем не иметь детей.

Послушать акушерку и оставить ребенка? Временами
мне кажется, что свой главный выбор я сделала именно

тогда, ведь не будь аборта, дальше Варенна мне ничего не видеть.

Я сидела на стуле, прижимая к груди сверток с запасным бельем и простыней, и молча плакала. Плакала сухими глазами!

И вдруг начала говорить. Я рассказывала о матери, которая любила отца больше жизни, родила от него сначала Жюлию, потом меня, а потом еще четверых. Когда стало видно живот в первый раз, родители выгнали ее из дома, пришлось разыскивать нашего отца и пытаться заставить его если не жениться, то хотя бы признать ребенка. Он признал. Но не женился. И даже после моего рождения не женился тоже. Только Антуанетта родилась «законной», нас с Жюлией оформили потом.

У нас не было своего дома, жили у родственников. Всегда как приживалы, всегда на птичьих правах. Но мать все так же неистово любила отца и забывала про нас, его детей. Боясь, что однажды он просто не вернется, стала ездить следом. Заводила очередного ребенка и уезжала снова.

Отцу она со своей любовью была в тягость, это я уже понимала. Мужчину нельзя заставлять жениться или любить себя, если это делать, он обязательно уйдет. Теперь я понимаю, что отец разъезжал и из чувства протеста тоже: когда тебя держат в клетке, обязательно хочется на свободу. Не всем, конечно, но нам с отцом хотелось.

А детей навязывать их папаше нельзя тем более...

Я говорила и говорила, в глазах появились слезы, они текли по щекам, но я не вытирала. Впервые с тех пор, как за отцом захлопнулась дверь приюта в Обазине, я откровенно рассказывала о себе. А чужая женщина слушала.

— Снимай свою юбку и ложись на кровать. Придет время, когда ты пожалеешь о сегодняшнем решении. Но я знаю, что если не я, то это сделает кто-то другой, ты сумасшедшая.

Потом были несколько часов боли и несколько дней откровенного страха. Все обошлось, заражения не случилось, но она права, наступил день, когда я горько пожалела об аборте, потому что ребенка от Боя выносить не смогла, и детей у меня не было.

И все-таки, если бы я не поступила так, не было бы и меня самой, не было бы Коко Шанель.

Там, на чистенькой кровати у акушерки, я перешагнула невидимую сдерживающую черту. Нет, я не стала ни шлюхой, ни распутной, но поняла, что никто ни от чего меня не защитит, а еще поняла, что хочу жить другой, обеспеченной жизнью, хочу свободы выбора, хочу денег!

У меня не будет выводка детей, как у моей матери, я не стану страдать из-за мужчин и бегать за кем-то. А еще добьюсь высокого положения, достаточно высокого, чтобы не беспокоиться о куске хлеба, чтобы чувствовать себя независимой ни от родственников, ни от кого-то другого. Я смогу сама выбирать мужчин, и они будут счастливы этим выбором!

В своем желании стать независимой, причем богатой, я была неоригинальна. Тем нелепей оно звучало.

Я и богатство... Откуда?! Клады в нашем садике никто не зарывал, чтобы можно было откопать кубышку с золотыми пиастрами. Наследства в миллионы не предвиделось, дольше врать самой себе глупо — отец все так же ездил по ярмаркам и торговал мелочью. Случайно я увидела его, но сама себя убедила, что ошиблась.

С памятью об отце следовало что-то делать. Если мать просто умерла на моих глазах, то ждать возвращения отца больше не стоило, это мешало жить. И тогда усилием воли я отправила его в Америку окончательно. Он там, богатый или почти богатый, с толстенной сигарой во рту, в пиджаке и жилетке с цепочкой из кармана для часов, он придет... когда-нибудь... потом... А пока надо жить самой.

Мир поделился на мужчин и женщин.

Первых нужно было завоевать. Всех. Даже если они мне не нужны. Я не собиралась становиться любовницей каждого, кто ходил в брюках, но я желала нравиться.

Так и было всю оставшуюся жизнь. Ни один мужчина не мог устоять перед моим шармом, если я этого желала, так есть и сейчас, когда мне уже много лет, я выбирала сама и чувствовала свою власть.

Но тогда для этого не было никаких предпосылок. Стать безумно привлекательной, когда ты плоская как доска, с мальчишеской фигурой, маленькой грудью и узкими бедрами, притом что в моде роскошные телом красавицы... Оставалось одно: изменить моду! Это не так просто.

Вторых (женщин) мне было жалко. Чтобы понять почему, достаточно посмотреть, как одевалась или раздевалась дама. То, что выглядело красиво, когда умопомрачительная женщина проплывала мимо, шурша шелками и покачивая перьями на огромной шляпе, в действительности было ужасным. Снять все это самой невозможно, надеть — тем более.

Корсеты затягивались горничными, иногда даже вдвоем, все зашнуровывалось, завязывалось, укреплялось, закалывалось, завивалось, подкладывалось, подшивалось... Только чтобы женщина могла медленно пройти, демонстрируя себя. Что она показывала? Тело, стиснутое китовым усом и множеством застежек? Волосы, уложенные с безумным количеством помады и украшений, да еще и прикрытые огромной шляпой с перьями? Каждый день заново укладывать всю эту роскошь не будешь, а потому от них пахло грязными волосами.

Турнюры возвышались над задами, превращая женщин в подобие гусынь. Длинные подолы сметали с улиц грязь. Запах пота заглушался духами, которые использовались целыми флаконами. Редко от кого пахло чистотой, обычно был запах грязи. У меня очень хорошее обоняние, а потому особенно трудно.

И в этом мире мне предстояло навести свой порядок. Конечно, не мне одной, но тогда я думала только о себе. А что еще оставалось? Никто другой обо мне думать не собирался.

Почему нужно подчиняться общим правилам, если они меня не устраивают? Почему нужно быть благовоспитанной, выйти замуж, нарожать детей и всю жизнь тянуть свою лямку, эту же жизнь проклиная? Почему нужно зависеть от мужчин, от всеобщего мнения, много от чего? Почему нужно быть как все?

Но чтобы не подчиняться правилам, а самой их диктовать, нужны деньги, это я уже понимала. Деньги были у мужчин и крайне редко у женщин, ни те ни другие просто так делиться не собирались. Заработать самой, но как? Мы могли день и ночь напролет шить и не вылезать из нищеты.

Адриенна сделала выбор, она поселилась у Мод и стала, по сути, содержанкой. На ней не женились, но ее любили и оплачивали. Позже Адриенна все же добилась своего — вышла замуж за барона, удачно, счастливо, по любви. Я была рада за нее, мне такого не удалось. Просто Адриенна влюбилась в того, кто мог долгие годы в ответ любить только ее и кому не нужно поддерживать свой имидж женитьбой.

Я решила иначе. О любви речи не шло, значит, мужчин можно только использовать. Я тоже стала содержанкой, только необычной.

Не судите да не судимы будете... Как это верно, человек обязательно получает от судьбы то, за что осуждает других. Можно упрекнуть меня, что постоянно ворчу и всеми недовольна. Я не осуждаю, а критикую, это не одно и то же!

Содержанки не достойны уважения? А кем я стала для Бальсана? Не совсем содержанкой, конечно, и все же...